

АКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ПРАВА: ИХ НОРМАТИВНО-ДОКТРИНАЛЬНАЯ ПРИРОДА

Н. С. Бондарь, доктор юридических наук, профессор

Учреждение судебных органов конституционного контроля в странах молодых демократий, включая страны СНГ, явилось важным шагом на пути их становления и развития в качестве демократических правовых государств. Одновременно это предопределило необходимость активизации теоретических исследований проблем современного конституционного правосудия, где остается немало «белых» пятен, дискуссионных вопросов. Одной из наиболее важных является проблема юридической природы актов органов конституционного правосудия как итоговой правовой формы их деятельности, уяснение их места и роли в системе правовых актов.

В последние годы наметилась линия на признание судебной практики в качестве источников права; ее разновидностью рассматриваются, в свою очередь, решения конституционных судов, хотя юридическая природа последних, например, с точки зрения их соотношения с судебным прецедентом, определяется по-разному [1; 2; 3]. Одновременно возникает вопрос: насколько правомерным является «растворение» решений Конституционного Суда в судебной практике, к которой относятся акты и иных, прежде всего высших, органов правосудия? Есть ли основания помещать в одну систему правовых координат решения всех высших судебных органов, включая Конституционный Суд?

Представляется, что вопрос о признании актов конституционного правосудия в качестве источников права определяется собственными, имманентно присущими этим актам юридическими свойствами конституционно-правового характера. Речь, в конечном счете, идет о том, что решения органов конституционного правосудия, «обволакивая» конституцию, составляют вместе с ней *особый вид конституционных источников права*, существующий наряду с законами, подзаконными актами, судебной практикой, иными видами источников права. В этом качестве их главная специфика заключается в том, что, являясь *конституционным источником права*, они *обладают нормативно-доктринальной природой*. А это предопределяется, в свою очередь, особенностями судебно-конституционных (контрольных) полномочий конституционных судов, что подтверждается в том числе практикой конституционного правосудия в Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ — квазиправотворческий орган

По самой природе, сущностным характеристикам и своим результатам деятельность Конституционного Суда РФ не исчерпывается правоприменением. Она имеет значительно более сложный, полиструктурный характер: получая институциональное оформление прежде всего как правоприменительный юрисдикционный процесс, конституционное правосудие - и это становится все более очевидным для отечественной юриспруденции - в своих итогово-правовых и социально-политических характеристиках сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством, понимаемым как деятельность по объективизации, формализации новых либо отмене действия прежних правовых норм.

Главным контраргументом тезиса о правотворческом потенциале конституционного правосудия является выраженная еще Г. Кельзенем позиция, согласно которой суд в системе разделения властей не предназначен для создания норм права. Сторонники данной, нормативистской в своей основе, концепции права рассматривают в качестве единственного источника права нормативно-правовой акт и считают недопустимой подмену законодательных решений актами органов, осуществляющих правосудие, пусть даже и конституционное.

Такой подход вряд ли соответствует сегодняшним правовым реалиям, подтверждением чего является признание нормотворческой функции у органов исполнительной власти, включая так называемое делегированное законодательство. В контексте общемировой конституционной практики должен оцениваться и характер воздействия Конституционного Суда на правотворческий процесс. Конечно, роль Конституционного Суда в правотворчестве довольно специфична, что объясняется его юрисдикционной природой, предполагающей, что назначение данного органа государственной власти прежде всего состоит в применении конституционных норм, их истолковании, в том числе в системных взаимосвязях с проверяемыми и иными нормами отраслевого законодательства. На этом основании некоторые авторы делают заключение о том, что Конституционный Суд не создает новых норм, а выступает в роли некоего «блюстителя юридической строгости правовой системы, института, в определенной мере сдерживающего и дисциплинирующего законодательную и исполнительную власть в их правотворческой деятельности», выполняет функцию арбитра, традиционную для судебного органа, «раздвигает или уточняет содержание сформулированного в Конституции нормативного установления исходя из его буквы и смысла с целью наиболее точного понимания и единообразного применения толкуемого конституционного положения». В итоге решения Конституционного Суда рассматриваются лишь в качестве источника науки конституционного права, не носящего свойств правовой нормативности [4].

Между тем деятельность Конституционного Суда РФ играет значительную роль не только в развитии конституционно-правовой науки, но и в становлении и развитии современного российского конституционализма, Конституции РФ и конституционного законодательства, а посредством этого - и отраслевого законодательства. Признавая ту или иную норму неконституционной, Конституционный Суд лишает ее юридической силы (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Уже отсюда следует, что соответствующее решение Конституционного Суда не лишено свойств нормативного акта, направленного, как известно, на установление либо изменение, отмену правовых норм или на изменение сферы их действия.

Однако, несмотря на то, что в деятельности Конституционного Суда данный способ конституционного контроля является преобладающим, его нельзя рассматривать в качестве единственного. В связи с этим не лишним будет обратить внимание на позицию А. Н. Верещагина, который, критикуя «расхожее клише» о том, что Конституционный Суд РФ выступает лишь как «негативный законодатель» и ни в коем случае не создает позитивных норм, предлагает следующее видение конституционно-судебного правотворчества. Когда суд (конституционный или иной) лишает силы определенную норму, то это зачастую ведет к ее автоматической замене другой нормой. Характер вновь появившейся нормы отражает природу той, которая была отменена. Таким образом, обнаруживается своего рода «нормативная симметрия», где нормы определенных типов коррелируют друг с другом: в частности, отмененные запретительные нормы порождают возникновение дозволительных и наоборот [5, с. 105]. Однако при кажущемся признании в приведенных тезисах «позитивности» конституционно-судебного правотворчества более детальный его анализ обнаруживает в этих рассуждениях признание превалирующего «негативного» начала в конституционном контроле: ведь отмена юридической нормы посредством признания ее неконституционной лишь инициирует указанную «нормативную симметрию» в рамках законодательного процесса. Кроме того, в предложенных суждениях речь, очевидно, идет лишь об одном из способов конституционно-судебного контроля в рамках предоставленных Конституционному Суду Конституцией РФ полномочий, а именно о разрешении вопроса о конституционности оспариваемого нормативного правового акта.

Между тем функции Конституционного Суда РФ не исчерпываются названным способом реализации конституционного контроля; они включают, например, конституционное истолкование норм отраслевого законодательства и основанную на этом их (как, впрочем, и сложившейся правоприменительной практики) конституционную рихтовку, т. е. доведение требований отраслевого законодательства до уровня конституционных принципов и ценностей, должных получать воплощение в соответствующей сфере отраслевого правового регулирования. А это уже - *вопрос не корреляции, а корректировки нормативной правовой среды*. И такую корректирующую функцию относительно нормотворчества органов законодательной и исполнительной власти, а также сложившейся правоприменительной практики, осуществляет Конституционный Суд.

Именно этим - специфическими характеристиками конституционных полномочий по конституционно-судебному контролю, а не наличием или отсутствием у Конституционного Суда РФ правотворческих функций в их классическом проявлении - определяется его роль в нормативном правовом пространстве государства и, в конечном счете, в правотворческом процессе. Все это как раз и позволяет определить Конституционный Суд как квазиправотворческий орган, имея в виду, что «квази»-характеристикой подчеркивается не мнимый, а лишь специфический, не классически-правотворческий статус данного органа.

Вместе с тем правотворческий статус Конституционного Суда РФ таков, что решения этого органа, выраженные по итогам рассмотрения дела в постановлении или определении, обладают вполне конкретными свойствами нормативности, многие из которых получили юридическое признание и в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», как-то: общеобязательность (ст. 6); окончательность, вступление в силу после провозглашения и незамедлительное официальное опубликование, непосредственное действие (ст. 78, 79); недопустимость преодоления правовой позиции Конституционного Суда законодателем (ст. 79); пересмотр в установленных случаях решений судов и иных органов, основанных на актах, признанных неконституционными (ст. 79, 100) и др. Именно эти качества придают решениям Конституционного Суда, своего рода, классические нормативные характеристики источников права.

Однако это лишь одна сторона юридической природы решений Конституционного Суда как источников права. Вторая заключена в том, что нормативность данных актов проявляется в единстве с их доктринальным значением.

Решения Конституционного Суда РФ как воплощение единства нормативных и доктринальных начал

Нормативность и доктринальность - это не две самостоятельные характеристики решений Конституционного Суда. Их наличие в своем единстве дает некое новое, интегральное качество данного вида актов как особых источников права - нормативно-доктринальную природу этих актов. Это означает, что, с одной стороны, *нормативные начала решений Конституционного Суда*, обладая высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способны отражать посредством своих

конституционно-интерпретационных характеристик высшие конституционные ценности на основе выявленного в решении Суда баланса государственных (публичных) и частных интересов, воплощая в себе сплав концептуальных научно-теоретических подходов органа конституционного контроля с реальной практикой современного конституционализма и международно-правовой регламентацией, во многом *приобретают признаки конституционной доктрины*. С другой стороны, заложенные в решениях Конституционного Суда аксиологические оценки, идеи и принципы, сформулированные на основе Конституции РФ и опосредующие отношение органа конституционного контроля к социально-экономическому, политическому, социокультурному содержанию и юридическому оформлению реальных общественных отношений, придают доктринальным началам решений Конституционного Суда качества их *общеобязательности, нормативной доктринальности*. В этом, кстати, кроются глубинные характеристики конституционного правосудия как фактора модернизации российской государственности [6], находясь истоки *генерирования и развития посредством конституционного правосудия конституционной идеологии* как важнейшего показателя уровня конституционной культуры современного общества и государства.

Нормативно-доктринальной природой решений Конституционного Суда предопределяется *двойственное назначение данных актов в системе источников права* и правовой системе в целом.

С одной стороны, решения Конституционного Суда РФ являются источником конституционного права, и в этом качестве они всегда содержат нормативную энергию (негативного, дисквалификационного либо позитивного характера), ориентированную на сферу конституционного регулирования. И несмотря на то, что в силу своих полномочий Конституционный Суд РФ «решает исключительно вопросы права» (ч. 3 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), его решения как источники конституционного права воплощают в себе нормативно-доктринальные начала не только правового, но и политического характера. Имеется в виду, что при оценке на конституционность норм отраслевого законодательства приходится решать соответствующие вопросы с точки зрения не только сущего, но и должного, руководствуясь при этом, прежде всего, конституционными принципами и ценностями как носителями не только формально-юридических, но и политических, нравственно-этических императивов. В этом плане *решения Конституционного Суда - это безусловный источник конституционного права*: они обладают конституционной природой в силу своих собственных характеристик (независимо от предмета конституционного контроля) и в этом качестве всегда находятся в единстве и, что очень важно, в единстве с Конституцией - конституционными источниками права.

С другой стороны, решения Конституционного Суда могут быть одновременно (с учетом предмета запроса по конкретному делу) *источниками отраслевого законодательного нормирования* более конкретных отношений в социальной, экономической, правоохранительной и других сферах. Тем самым акты конституционного правосудия как бы обеспечивают «сцепку» собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на выявленной в процессе рассмотрения дела объективной взаимосвязи, переплетении конституционных и отраслевых правоотношений. Основу такого единства составляет выявляемый Конституционным Судом баланс конституционных ценностей, что, в свою очередь, способствует конституционализации не только отраслевого законодательства, но и соответствующей сферы социальной действительности.

В конкретном своем проявлении это обеспечивается *различными способами влияния конституционного правосудия на правовое развитие общества и государства*. Каждый из них по-своему отражает нормативно-доктринальные начала в процессе проникновения конституционных норм, принципов и ценностей в букву и дух отраслевого законодательства. Соответственно можно говорить о преобладающем значении в том или ином способе нормативных либо доктринальных начал, что, однако, не исключает в конечном счете проявления их в единстве.

Это, во-первых, *конституционно-интерпретационное обоснование нормативного содержания тех или иных категорий и институтов* отраслевого законодательства, введение в теорию и практику российского конституционализма новых конституционных категорий и понятий. Очевидно, что здесь весьма рельефно проявляется интеграция нормативности и доктринальных конституционных начал.

Яркий пример конституционного обоснования отраслевых институтов и категорий - проведенное Конституционным Судом РФ в целом ряде его решений исследование понятия налога как публично-правовой категории. Что касается новых понятий и категорий, то, например, Конституционный Суд РФ впервые дал конституционно-правовое обоснование не имевшей на тот момент законодательного закрепления категории муниципальной власти как особой формы публичной власти (постановления Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П [7], от 30 ноября 2000 г. № 15-П [8], от 2 апреля 2002 г. № 7-П [9]. В других постановлениях (от 23 февраля 1999 г. [10], от 18 июля 2003 г. [11]) Конституционный Суд РФ обосновал конституционно-правовую природу категории «свобода договора».

Во-вторых, влияние нормативно-доктринальных начал актов конституционного правосудия на социально-правовую сферу обеспечивается посредством *обоснования конституционной природы соответствующих отношений*, попадающих в сферу регулирования оспариваемых норм отраслевого законодательства.

Так, в Постановлении от 1 декабря 1997 г. № 18-П [12] Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что отношения, связанные с возмещением вреда, причиненного в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, имеют не гражданско-правовое, а конституционно-правовое содержание, и в этом плане они развиваются на основе действия ст. 42 и 53 Конституции РФ. Это порождает особый характер отношений между гражданином и государством, заключающийся в том, что государство принимает на себя обязанность возмещения такого вреда, который, исходя из его масштабов и числа пострадавших, не может быть возмещен в порядке, установленном гражданским, административным, уголовным и другим отраслевым законодательством; это конституционно-правовая обязанность государства, которая корреспондирует праву граждан на благоприятную окружающую среду.

Конституционная природа присуща также, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда, и отношениям, складывающимся в процессе приватизации. Именно в решениях Конституционного Суда РФ право на приватизацию было интерпретировано в качестве конституционно значимого, хотя само по себе установление права на приватизацию осуществляется публичной властью и, таким образом, оно не является конституционным (см., в частности, Постановление от 3 ноября 1998 г. № 25-П [13], Определение от 9 июля 2004 г. № 241-О [14]).

В-третьих, нормативно-доктринальные начала присутствуют в процессе выявления конституционного содержания в конкретных отраслях законодательного регулирования и, соответственно, расширения «присутствия» конституционных начал в отраслевых правоотношениях.

Так, по существу именно Конституционный Суд РФ сформулировал и обосновал основополагающие принципы налогового права, которые до принятия Налогового кодекса РФ (части первой) не имели закрепления в российском налоговом законодательстве. Практика Суда в этой сфере во многом предопределила развитие налогового законодательства. Нынешнее содержание ст. 3 указанного Кодекса отражает юридическое признание основных начал налогообложения, выведенных Конституционным Судом РФ (см., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 1997 г. № 5-П) [15].

В-четвертых, в рамках нормативно-доктринального воздействия конституционного правосудия на отраслевое законодательство обеспечивается конституционализация правового (специального) статуса субъектов правоотношений, складывающихся в соответствующей сфере отраслевого регулирования.

Так, в Постановлении от 10 апреля 2003 г. № 5-П /Конституционный Суд РФ выявил конституционную природу правового статуса участников хозяйственных обществ, указав, что основой конституционно-правового статуса участников хозяйственных обществ, в частности акционеров акционерных обществ - юридических и физических лиц, которые реализуют свои права через владение акциями, удостоверяющими обязательственные права ее владельца к акционерному обществу, является право, закрепленное в Конституции РФ (ч. 1 ст. 34). Приобретая акции и осуществляя акт распоряжения своим имуществом, граждане и юридические лица приобретают и определенные имущественные права требования к акционерному обществу: на участие в распределении прибыли, получение части имущества в случае ликвидации общества и т. д. Поскольку же по смыслу взаимосвязанных положений ст. 8 (ч. 1), 34 (ч. 1) и 35 (ч. 2) Конституции РФ содержащимся в них термином «имущество» охватывается любое имущество, связанное с реализацией права собственности, в том числе имущественные права, имущественные права-требования акционеров также являются имуществом, а следовательно, обеспечиваются конституционно-правовыми гарантиями, включая охрану законом прав акционеров, в том числе миноритарных (мелких) акционеров как слабой стороны в системе корпоративных отношений, и судебную защиту нарушенных прав [16].

В-пятых, в этом же русле реализации полномочий конституционного правосудия происходит внедрение в национальную правовую систему норм и принципов международного права, в результате чего также происходит приращение нормативного и конституционно-доктринального потенциала национального правового регулирования.

Таким образом, в признании решений Конституционного Суда РФ в качестве нормативно-доктринальных источников права - ключ к преодолению крайних позиций в представлениях тех авторов, которые, с одной стороны, видят их значение лишь как носителей теоретически значимых идей, принципов, конституционных доктрин как источников науки конституционного права и, с другой стороны, рассматривают решения Конституционного Суда исключительно в нормативно-правовой плоскости (на что обращает внимание Т. М. Пряхина [17, с. 186]), причем чаще всего лишь в качестве источников отрасли конституционного права. В действительности акты конституционного правосудия представляют собой синтез доктринально-концептуальных и нормативно-правовых начал, причем не только конституционного, но и других отраслей права.

Правовые позиции — концентрированное отражение нормативно-доктринальных начал в решениях Конституционного Суда

Юридическая природа решений Конституционного Суда как источника права решающим образом связана с получающими отражение в них правовыми позициями.

В конечном счете именно правовые позиции, с одной стороны, придают решениям Конституционного Суда юридические (нормативно-правовые) качества источников права, а с другой - предопределяют конституционно-доктринальную природу данного вида правовых источников, что порой, при недостаточном учете особенностей этого нового для нас явления правовой жизни, становится причиной сомнений в правомерности отнесения данного вида судебных актов к источникам права. В правовой позиции Конституционного Суда отражается суть, нормативно-доктринальная квинтэссенция принятого решения; однако источником права является не сама по себе правовая позиция, а решение Конституционного Суда, в котором она сформулирована. Для автора настоящей статьи данный подход явился следствием уточнения, развития его собственной позиции, представленной в более ранних работах [18].

Вопросы о том, что собой представляет правовая позиция Конституционного Суда, как «извлечь» ее нормативно-доктринальный эквивалент из решения Конституционного Суда, имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

Выявление подлинного смысла любого решения Конституционного Суда и его правовой позиции невозможно без учета того обстоятельства, что решение как нормативно-доктринальный источник права - это единый, целостный акт конституционного правосудия, внутренняя структура и содержание которого подчинены логике концептуально-теоретических и конституционно-правовых доводов и аргументов, значимых для оценки оспариваемых в рамках конкретного дела правовых норм; в своей взаимосвязи они определяют содержание итогового вывода, составляют суть решения по делу. Соответственно, было бы ошибочным интерпретировать выраженную в Постановлении правовую позицию в качестве простой совокупности обособленных положений, равно как и возводить на уровень самостоятельных правовых позиций Конституционного Суда каждое отдельное положение Постановления. Правовая позиция Конституционного Суда РФ - это некая основополагающая или, по крайней мере, одна из важных правовых идей, сформулированных Конституционным Судом по итогам рассматриваемого дела, которая может быть выражена в концентрированном виде как в качестве отдельного положения, так и (чаще всего) представляющая собой сквозную идею, характеризующуюся единой предметно-целевой направленностью и едиными доктринально-конституционными началами, находящимися, как правило, в логическом соподчинении с резолютивной частью итогового решения Конституционного Суда Российской Федерации.

В этой связи правовая позиция Конституционного Суда не может быть истолкована безотносительно к заложенной в решении аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован итоговый вывод решения. Соответственно, можно выделить основные характеристики правовых позиций Конституционного Суда как весьма своеобразных носителей нормативно-доктринальных начал решений Суда.

Так, в правовых позициях проявляется их *концептуальный*, в своей основе, *характер*, в связи с чем не просто дается ответ о конституционности конкретной правовой нормы (по принципу «да» - «нет»), но предлагаются доктринальные по своему уровню конституционно-правовые решения рассматриваемых Конституционным Судом проблем.

Одновременно следует обратить внимание и на такое свойство правовых позиций, как их *юридическая обязательность*. Правовые позиции Конституционного Суда имеют такую же юридическую силу, как и сами решения Конституционного Суда. В Определении от 8 октября 1998 г. № 118-О Конституционный Суд РФ сформулировал принципиальный подход в отношении обязывающего значения правовых позиций, согласно которому положения мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда РФ, сформулированные в резолютивной части этого же постановления, отражают правовую позицию Конституционного Суда РФ и также носят обязательный характер (см. Архив Конституционного Суда РФ за 1998 г.).

Правовые позиции, как и решения Конституционного Суда в целом, обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Уже в силу этого вряд ли можно согласиться с попытками деления правовых позиций Конституционного Суда на юридически обязательные (например, те, которые сформулированы в решениях о толковании Конституции, а также содержатся в резолютивной части иных решений Конституционного Суда), и на правовые позиции, имеющие рекомендательный, ориентирующий характер. Действительно, в общем массиве правовых позиций Конституционного Суда возможно выстраивание определенной иерархической системы, где приоритет принадлежит, как отмечалось, правовым позициям о толковании Конституции: по юридической силе они фактически находятся на одном уровне с Конституцией.

Юридическая обязательность правовых позиций распространяется и на сам Конституционный Суд. Однако это не означает, что правовые позиции не могут уточняться. Практика свидетельствует, что при

выявлении конституционного смысла ряда положений законодательства правовые позиции углубляются и обогащаются.

Итогово-обобщающий характер правовых позиций также представляет их важную особенность. Они лежат в основе решений Конституционного Суда, хотя по своему объему содержание решений (постановлений, определений) заметно шире, богаче и не сводится только к сформулированным в них правовым позициям. Правовые позиции определяют внутренний смысл решений Конституционного Суда, составляют юридическую quintessence принятого судебного решения в порядке конституционного контроля.

С этим связана также *оценочная, аксиологическая природа правовых позиций*, в которых получает выражение отношение Конституционного Суда к конкретной правовой норме, составляющей предмет запроса. Главным в этом случае является ответ на вопрос о конституционности рассматриваемой Конституционным Судом нормы. Вместе с тем правовая позиция - это не только итоговый вывод, содержащийся в резолютивной части решения Конституционного Суда. Мотивировочная часть решения нередко содержит не менее важные правовые позиции, усиливающие значение решений как источников права. Более того, без глубокого проникновения в содержание мотивировочной части решения Суда невозможно адекватное реальному значению понимание конституционно-правовых выводов, содержащихся в резолютивной части.

Правовые позиции Конституционного Суда есть результат истолкования конкретных положений законодательства, итог выявления конституционного смысла рассматриваемых положений в пределах компетенции Конституционного Суда. Тем самым обеспечивается своего рода «конституционная доводка» норм российского законодательства без дисквалификации, признания неконституционной той или иной нормы, но при этом преодолевается ее конституционно-правовая неопределенность. В конечном счете это специфическая форма правотворческой деятельности Конституционного Суда РФ, так как с помощью конституционного истолкования: а) уточняется нормативное содержание статьи закона; б) преодолевается коллизия между несколькими нормами путем поиска баланса содержащихся в них конкурирующих конституционных ценностей; в) выявляются системные, иерархические связи и зависимости между отдельными нормами правовых институтов конкретной отрасли права; г) придается новое, современное содержание норме «доконституционного» закона и т. д.

Важно обратить внимание также на *общий характер правовых позиций* Конституционного Суда. Данное свойство состоит не только в том, что выраженная в решении Конституционного Суда правовая позиция распространяется на всех субъектов права на всей территории России. Это универсальная характеристика всех социальных, в том числе правовых, явлений, имеющих не индивидуализированную, адресную направленность своего воздействия, а общий характер. Наряду с данным свойством общности (или - что несколько иное, но также относится к данной характеристике - обобщенности) правовая позиция Конституционного Суда носит общий характер еще и в том плане, что она распространяется не только на тот конкретный случай, который стал предметом рассмотрения в Конституционном Суде, но и на все аналогичные случаи, имеющие место в правовой практике. Внешне это сближает правовую позицию Конституционного Суда с судебным прецедентом. Однако это лишь внешнее сходство, если иметь в виду, что под «аналогичными случаями» в конституционном правосудии имеются в виду прежде всего аналогичные правовые нормы, получившие оценку в рамках правовой позиции Конституционного Суда. Так, признание неконституционной нормы закона одного субъекта Российской Федерации распространяется на аналогичные нормы регионального законодательства всех других субъектов Федерации.

Соответственно, представляется возможным дать *определение понятия правовых позиций Конституционного Суда* как аргументированных, получающих обоснование в процедуре конституционного правосудия норматив-но-доктринальных выводов, установок и оценок по вопросам права в рамках решения Конституционного Суда, принятого по итогам рассмотрения конкретного дела.

О степени обязательности конституционно-судебных рекомендаций законодателю

Специфической формой нормативно-доктринального воздействия конституционно-судебного правосудия на правовую систему является формулирование Конституционным Судом РФ по итогам рассмотрения дела рекомендаций законодателю, которые хотя и не имеют непосредственно обязывающего значения для нормотворческих органов, ориентируют их на последовательную и систематическую реализацию конституционных принципов и норм в текущем законодательстве. Следовательно, не учет, а тем более игнорирование законодателем соответствующих рекомендаций может привести к противоречивости и рассогласованности законодательства в его сопоставлении с Конституцией РФ и тем самым создать угрозу нарушения конституционных прав и свобод.

В указанном плане рекомендации законодателю представляют собой одну из относительно самостоятельных разновидностей правовых позиций Конституционного Суда, в которых конституционно-доктринальные начала превалируют над нормативными. Степень обязательности таких рекомендаций,

обращенных к законодателю, определяется прежде всего тем, насколько концептуально выверенными являются рекомендации Суда с точки зрения конституционно-доктринальных подходов к обоснованию предлагаемых изменений в действующем законодательстве, которое явилось предметом конституционного контроля. Ярким примером в этом плане является Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г., касающееся конституционно-судебной оценки института надзора в гражданском процессе. Одним из основных итогов исследования столь сложной проблемы явился вывод Конституционного Суда РФ о том, что он воздерживается от признания неконституционными ряда положений Гражданского процессуального кодекса РФ в силу того, что преодоление соответствующих проблем невозможно без структурной судебно-правовой реформы. В связи с этим федеральному законодателю предложена целая программа реформирования надзорной судебной инстанции в соответствии с требованиями Конституции РФ, правовыми позициями Европейского суда по правам человека, другими международно-правовыми обязательствами России.

Оценивая реализацию законодателем обращенных к нему рекомендаций Конституционного Суда РФ, приходится констатировать, что данный процесс не имеет устойчивого характера. Наряду с тем, что законодатель чаще всего достаточно активно включается в конституционализационный процесс в соответствии с рекомендациями Конституционного Суда РФ, известны и противоположные ситуации, когда федеральный законодатель в течение длительного времени не реализует обращенные к нему рекомендации. Примечателен в этой связи запрос Государственной Думы к Председателю Правительства РФ от 1 июля 2005 г. «О необходимости принятия Правительством РФ мер по внесению изменений в законодательство Российской Федерации во исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации». Было указано, что на момент направления запроса оставались не исполненными более 10 решений Конституционного Суда РФ, причем следует отметить, что приведенный в запросе перечень неисполненных решений Конституционного Суда РФ не являлся исчерпывающим.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что исполнение решений Конституционного Суда РФ является обязанностью всех органов публичной власти. Следовательно, законодательное определение Правительства РФ как специального субъекта, ответственного за инициирование законодательного процесса в связи с необходимостью исполнения того или иного постановления или определения федерального органа конституционного правосудия, является лишь дополнительной гарантией соблюдения конституционного правопорядка и не исключает обязанности федерального законодателя (при бездействии Правительства РФ или затягивании им внесения в Государственную Думу проекта соответствующего закона) самостоятельно принять меры к исполнению решения Конституционного Суда РФ.

Таковы основные характеристики решений Конституционного Суда РФ как особого источника права, воплощающего в себе как нормативные, так и конституционно-доктринальные начала.

Список цитированных источников

1. *Марченко, М.Н.* Судебное правотворчество и судебское право / М. Н. Марченко. - М.: Проспект, 2007. - 512 с.
2. *Зорькин, В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. - 2004. - № 12. - С. 4-7.
3. *Василевич Г.А.* Правовая природа актов Конституционного Суда Республики Беларусь и их юридическое значение / Г. А. Василевич // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. - 2005. - № 1. - С. 48-56.
4. *Богданова, Н.А.* Конституционный Суд РФ в системе конституционного права / Н. А. Богданова // ВКС РФ. - 1997. - № 3. - С. 64-65.
5. *Верещагин, А. Н.* Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты / А. Н. Верещагин. - М.: Международные отношения, 2004. - 344 с.
6. *Бондарь, Н.С.* Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. - 2005. - № 11. - С. 15-22.
7. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 1998. - № 4. - Ст. 532.
8. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 2000. - № 50. - Ст. 4943.
9. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 2002. - № 14. - Ст. 1374.
10. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 1999. - № 10. - Ст. 1254;
11. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 2003. - № 28. - Ст. 3102.
12. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 1997. - № 50. - Ст. 5711.
13. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 1998. - № 45. - Ст. 5603;
14. Архив Конституционного Суда РФ за 2004.
15. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 1997. - № 13. - Ст. 1602.
16. Сборник законодательства Рос. Федерации. - 2003. - № 17. - Ст. 1656.
17. *Пряхина, Т.М.* Конституционная доктрина Российской Федерации / Т. М. Пряхина. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. - 323 с.